

нояб. 84

34
деп.

ВЫСШАЯ ШКОЛА МВД СССР

Для служебного пользования

Экз. № 40

ЯРОСЛАВ СОУКУП

ПОВИННАЯ И САМООГОВОР

(Уголовно-процессуальное, криминалистическое
и судебно-психологическое исследование)

(Специальность № 715 — уголовное право и уголовный процесс;
№ 717 — криминалистика)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 1969

3470
1-
32-1-288

Автор.
С-679

Для служебного пользования

Экз. № _____

40

ЯРОСЛАВ СОУКУП

ПОВИННАЯ И САМООГОВОР

(Уголовно-процессуальное, криминалистическое
и судебно-психологическое исследование)

(Специальность № 715 — уголовное право и уголовный процесс;
№ 717 — криминалистика)

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Проверено 1968 г.

код экземпляра . 134061

Проверено 1968 г.

Москва — 1969

15 стр.

2470

*Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор
А. Р. РАТИНОВ*

Официальные оппоненты — доктор юридических наук, профессор А. В. ДУЛОВ;

*кандидат психологических наук
В. Ф. ПИРОЖКОВ*

Отзыв Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР.

Автореферат разослан « 19 » августа 1969 года.

Защита диссертации состоится « 6 » сентября 1969 года на заседании Ученого Совета Высшей школы МВД СССР (г. Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, дом 8).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Высшей школы МВД СССР.

*Ученый секретарь Совета Высшей школы МВД СССР
кандидат юридических наук*

(Н. ФИЛИППОВ)

ВВЕДЕНИЕ

Ликвидация преступности и причин, ее порождающих, требует неперемennого раскрытия каждого преступления, неотвратимого и справедливого наказания виновных. Меткость уголовной репрессии зависит от качества предварительного и судебного следствия и характера используемых при этом средств, которые должны обеспечивать установление истины по делу с тем, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

Преобладающее место в процессуальной деятельности принадлежит такому способу собирания доказательств, как допрос, а среди разновидностей его особое положение занимает допрос подозреваемых, обвиняемых, подсудимых. Это — обязательное действие, в ходе которого происходят получение и проверка доказательств, а также реализация права лиц, привлеченных к уголовной ответственности, на защиту.

Их показания, будучи по своему весу и значению рядовыми доказательствами, имеют вместе с тем такие особенности, которые делают их получение и использование задачей исключительно ответственной и сложной. Извращение природы и роли этих доказательств, правил их получения и оценки как в теории, так и на практике чревато трагическими для людей и тяжкими для правосудия ошибками.

Вот почему вполне оправдано огромное внимание юристов к показаниям обвиняемого на разных стадиях уголовного судопроизводства. Среди проблематики допроса и показаний обвиняемого естественный и острый интерес привлекает признание вины, причем наибольшую сложность для правильной оценки, распознавания и разоблачения представляет ложное признание — самооговор.

Между тем теоретические исследования проблемы повинной и самосговора оказались весьма отрывочными, недостаточно полными и глубокими. При очевидной актуальности проблемы она слабо разработана в чехословацкой юридической литературе и даже в сравнительно более обширной литературе за рубежом.

В имеющихся трудах на эту тему традиционно преобладает описательно-казуистический и логико-догматический подход, который недостаточен для раскрытия закономерностей возникновения этих явлений и разработки рекомендаций по их предотвращению и преодолению. Комплексных и всесторонних исследований данной проблемы нам неизвестно.

Указания, содержащиеся в процессуальных, криминалистических, судебно-психологических и судебно-психиатрических источниках, а также доступная нам следственная и судебная практика свидетельствуют о достаточно широком и повсеместном распространении ложных признаний и связанных с ними следственных и судебных ошибок. Поэтому актуальность решения проблематики повинной и самооговора по своему значению и объему представляется выходящей за рамки потребностей теории и практики ЧССР.

Значимость рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что ее решение должно явиться предпосылкой и теоретической основой для ряда положений, направленных на совершенствование деятельности органов дознания, следствия и суда. Причем круг вопросов, охватываемых этой темой, касается многих отраслей научного знания: теории уголовного процесса, криминалистики, тактики и методики расследования, судебной психологии и отчасти психиатрии. Это само по себе служит подтверждением важности проблемы.

Изложенные соображения предопределили выбор темы настоящей диссертации. Однако даже после длительного исследования автор считает возможным отметить, что рассматриваемая проблема является для него одной из задач в рамках его научно-исследовательской деятельности.

Переходя к характеристике методологической стороны проведенного исследования, необходимо подчеркнуть, что основополагающими и руководящими принципами в настоящей работе служили указания марксистско-ленинской теории познания, и в первую очередь требования об отображении объективной действительности в ее реальном развитии, взаимосвязях и взаимовлияниях; необходимости проникновения в глубинную сущность изучаемых явлений и предметов.

Опираясь на достижения социалистического правопедения и материалистической психологии, автор исходил из предположения, что повинная и самооговор должны рассматриваться не как изолированные акты человеческого поведения, а с учетом конкретных условий, в которых эти явления происходили. Поэтому исследование прежде всего осуществлялось в естественных условиях следственной, судебной и психолого-психиатрической практики.

Анализ конкретных случаев повинной и самооговора был направлен на выявление общих и существенных закономерностей. Сбор достаточно большого фактографического материала и его обобщение способствовали решению этой задачи.

При этом представлялось обязательным определение общественного значения изучаемых явлений. Известно, что человек, взаимодействуя со средой и социальным окружением, выражает себя в отношениях к внешним воздействиям и через эти отношения проявляются его психические свойства и состояния, вся его личность. Поэтому важнейшей частью исследования явилось изучение личности подозреваемых и обвиняемых, закономерностей их поведения в зависимости от индивидуальных особенностей, влияния

внешних условий, жизненной ситуации, процессуальной обстановки.

Поскольку сама практическая деятельность следственных и судебных органов служит обильным источником необходимых сведений, анализ и обобщение эмпирического материала такого рода использовались особенно широко.

Весьма поучительным было изучение следственных и судебных ошибок, связанных с ложными признаниями, и еще более ценным — изучение передового опыта и положительной практики по обнаружению и разоблачению ложных показаний. С этой целью проводилось изучение документального материала (архивные дела, истории болезни, заключения экспертов и пр.), применялись и иные методы исследования.

В «инструментальной» (методической) части исследования значительное место было отведено методу наблюдения. Он, в частности, применялся для сравнения поведения людей в обычных условиях существования и в затрудненной жизненной ситуации; для изучения способности их к адаптации, податливости внешнему и т. д.

В ходе работы оправдал себя метод интервью, применявшийся для выявления отношений к наличной жизненной ситуации, для изучения некоторых свойств личности подозреваемых и обвиняемых, а также при опросе следственных работников как участников взаимодействия на допросе, породившем самоговор.

Вопросы непосредственной и отсроченной мотивировки поведения допрашиваемых, данные об их социальном и психическом развитии, системе межличностных отношений у тех, кто явился с повинной или ложно оговорил себя, изучались комбинированными методами, в которых были использованы биографические исследования, обобщение независимых характеристик и некоторые другие.

Указанные методы, применявшиеся для разработки диссертационной темы, первоначально были апробированы автором в лабораторных условиях, при работе в специальной исследовательской группе, изучавшей поведение лиц в затрудненных условиях и исключительных ситуациях при Научно-исследовательском психиатрическом институте (Прага), а в дальнейшем использовались при выполнении обязанностей эксперта-психолога по уголовным делам и в иных исследованиях в области избранной темы.

В процессе теоретического исследования, научной обработки собранного материала и при написании диссертации была использована относящаяся к данной проблеме литература по уголовному процессу и криминалистике, философии и этике, общей и судебной психологии, психиатрии и физиологии высшей нервной деятельности, изданная в социалистических и основных капиталистических странах (перечень использованных литературных источников — около 500 наименований — приводится в конце диссертации).

Настоящая работа была задумана и выполнена как правовое

по своему основному характеру и назначению и вместе с тем комплексное уголовно-процессуальное, криминалистическое и судебно-психологическое исследование, имеющее своей целью раскрытие причин повинной и самоговора, условий и факторов их возникновения и создание на этой основе ряда теоретических предпосылок дальнейшего совершенствования следственной и судебной практики. В меру своих способностей автор стремился решить такую задачу.

Диссертация, кроме введения, в котором содержатся обоснование темы и характеристика методов ее исследования, состоит из пяти глав:

Глава первая — «Сущность повинной и самоговора».

Глава вторая — «Понятие причин повинной и самоговора».

Глава третья — «Причины повинной и самоговора, относящиеся к личности».

Глава четвертая — «Причины самоговора, относящиеся к процессу следствия».

Глава пятая — «Психофизиологические методы допроса и их отношение к самоговору».

Глава I. СУЩНОСТЬ ПОВИННОЙ И САМОГОВОРА

Первая глава начинается с характеристики состояния проблемы и рассмотрения точек зрения на повинную и самоговор. При анализе взглядов на повинную и самоговор рассмотрено большое количество публикаций из различных отраслей науки — криминалистики, уголовного процесса, судебной медицины, судебной психиатрии, судебной психологии, изданных за последние 50—60 лет (более ранние публикации, содержащие упоминание интересующих нас явлений, носят слишком архаичный характер).

Литературное наследие отличается весьма неоднородным содержанием и формальным уровнем. Наиболее многочисленными являются криминалистические работы, в которых содержится более или менее подробное описание конкретных случаев повинной или самоговора из практики. И хотя эти работы были ценны тем, что содержали указание на возможные ошибки и советы о том, как их лучше избежать в аналогичном случае, однако с учетом сугубо описательного характера вклад их в теорию был весьма невелик.

Другую группу представляют казуистические сообщения из психиатрической, клинической и экспертной практики. В них также в значительной мере преобладает описательная сторона над изучением сущности явления, а также явное стремление психопатологизировать причины и мотивы повинной и самоговора. Вместе с тем благодаря более высокому научному уровню казуистика здесь была исследована несколько лучше и содержала ценную информацию не только для судебной психиатрии, но и для криминалистики и уголовного процесса.

Именно у психиатров возник наиболее глубокий интерес к исследованию повинной и самоговора, что было естественным с уче-

том тех требований, которые предъявлялись к ним как экспертам, обязанным дать оценку психологических причин возникновения этих явлений.

Характерной чертой во взглядах на повинную и самооговор у большинства авторов оказалось стремление рассматривать их как проявление болезненной психики. Отмеченная тенденция со стороны психиатров была порождена тем, что сам подход к этим явлениям был связан с необходимостью изучения и лечения психических болезней. От них эта тенденция распространилась в работах буржуазных криминалистов, на которых оказали ощутимые влияния теории криминально-антропологические (Ломброзо), криминально-биологические (Ленц), конституционно-генетические (Кречмер) и психоаналитические (Фрейд).

В числе ученых довоенного периода, занимавшихся повинной и самооговором, преобладали немецкие авторы, а несколько позднее эта проблема привлекла к себе внимание итальянских, французских, русских, польских и американских ученых. Последние занимались преимущественно оценкой возникновения самооговора в связи с применением наркоанализа, лайдетекции и иных подобных методов допроса. Мнение о самооговоре как о результате принуждения содержится в работах и других авторов.

В литературе послевоенного периода заметно проявляется тенденция использовать новейшие открытия соответствующих наук и влияние новых направлений и концепций при решении рассматриваемой проблемы. В связи с этим в более поздних работах стремление психопатологизировать эту проблему уступает место тенденции рассматривать повинную и самооговор как результат психических нарушений, вызванных исключительными условиями, в которых оказывается человек, участвующий в уголовном судопроизводстве. Психиатрические причины и мотивы уже не оцениваются как доминирующие.

Одновременно возникает огромное количество работ, посвященных ложным показаниям, связанным с применением наркоанализа, лайдетекции, насильственных методов допроса, длительного лишения свободы, одиночного заключения, нарушением процессуальных правил и пр.

Большое место отводится рассмотрению взглядов на повинную и самооговор ученых социалистических стран. В Чехословакии до 1960 года не было ни одной работы на эту тему, кроме единственного отрывочного сообщения судебного медика по одному из дел. Именно этот пробел в чехословацкой криминалистической литературе и отмеченная выше актуальность темы, привели автора к ее интенсивному изучению и созданию четырех печатных работ, упоминаемых в диссертации.

Одновременно необходимо упомянуть работу наших психиатров Шваба и Гросса, которые занимались изучением причин самооговора в зависимости от взаимодействия социальных условий, и

особенно в результате изоляции субъектов, не имеющих никаких признаков психических нарушений.

Существенный вклад в эту проблему внесли советские авторы, труды которых, особенно за последние годы, все в большей степени касаются изучения повинной и самоговора. Особого внимания заслуживает концепция А. Р. Ратинова, рассматривающего мотивацию поведения обвиняемого в процессе следствия. Мы присоединяемся к его критике интуитивного толкования причин повинной и самоговора и его оценке крайней сложности мотивировки упомянутых явлений, к его выводу о том, что возникновение ложных признаний самым тесным образом связано с нарушением процессуальных правил, невыполнением обязанностей допрашивающего или тактически неправильным их выполнением.

В собственной оценке повинной и самоговора автор, опираясь на современные достижения криминалистики, судебной психологии и психиатрии, рассматривает повинную и самоговор как результат, зависящий от индивидуальных особенностей личности и соответствующих внешних воздействий на человека, как продукт его социального взаимодействия. Разнообразие и пестрота всех взаимодействующих в этом процессе факторов чрезвычайно велики. В полном соответствии с этой концепцией находятся многочисленные наблюдения и исследования самых различных категорий лиц, это безусловно психически нормальных до явно патологических.

Критический анализ и рассмотрение предшествующих точек зрения на повинную и самоговор вынудили автора попытаться уяснить понятийный аппарат проблемы. С этой целью мы обратили внимание на терминологию и лексику в различных европейских языках, относящуюся к понятиям «повинная» и «самоговор», с тем, чтобы уточнить, как указанные термины выражаются семантически. Проведенный нами сравнительный обзор представлен в соответствующей таблице.

Как видно, в обширном обиходе, где используется выражение «повинная», его нужно понимать иногда в более широком, а иногда и в более узком смысле. В первом случае мы понимаем повинную как определенное поведение субъекта, который по различным мотивам и основаниям вменяет себе что-то в качестве вины. Это может проявляться в виде укора и обвинения себя, упрека за упущение, неуместность, неприличие, нарушение чего-либо и т. п. При этом необходимо различать:

- а) замысел и тенденцию к повинной;
- б) повинную как действие, которому предшествует соответствующее намерение.

Нередко замысел о повинной не реализуется в виде внешнего действия, что зависит от сочетания различных внешних и внутренних факторов.

В более узком смысле повинную мы понимаем как специальный профессиональный термин, применяемый в области уголовного процесса, криминалистики, судебной психологии и психиатрии. Ранее

уже упомянутый элемент «обвинение себя в чем-либо» здесь понимается как признание в совершенном преступлении перед государственным органом, полномочным возбуждать и осуществлять уголовное преследование. В этом случае повинная рассматривается как вид человеческого поведения, при котором лицо само дает основание и является инициатором возбуждения уголовного производства, обвиняя себя в совершении преступления перед компетентным следственным или судебным органом. Таким образом, повинная может иметь место в случаях:

1) когда было совершено определенное преступление и преступник не известен следственным и судебным органам;

2) когда было совершено определенное преступление, о чем не известно этим органам, и потому не известен и преступник;

3) когда преступление, о котором сообщает лицо, явившееся с повинной, является вымышленным или мнимым.

Из сказанного следует, что отличительным признаком повинной нужно считать ее спонтанность, самопроизвольность поведения субъекта, обвиняющего себя в совершении общественно опасного деяния, причем это обвинение может быть как правильным, так и ложным.

Такое понимание термина «повинная» находится в полном соответствии с употреблением его в чехословацком уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в соответствии с § 33 п. «и» УК повинная рассматривается в качестве смягчающего вину обстоятельства. В УПК ЧССР содержится ряд положений, где также выражен институт повинной (§ 2, ч. 5; § 92, ч. 1; § 164, ч. 3 и § 160, 163, 169).

По своему содержанию повинная, как и признание своей вины в процессе расследования, может быть истинной или ложной. Различие между повинной и признанием своей вины в процессе расследования состоит в том, что показания, содержащие признание в совершенном преступлении, могут быть даны уже в ходе следствия, повинная же имеет место до возбуждения уголовного дела.

В связи с этим самооговор, который может иметь место лишь в процессе расследования и судебного разбирательства, представляет собой ложное показание, в котором допрашиваемый признает себя виновным, не будучи в действительности таковым. Самооговору обязательно предшествуют возбуждение уголовного дела, вызов или привод на допрос, задержание, арест и т. п. В случае повинной этих условий не существует.

Применительно к самооговору так же, как и в отношении повинной, автор вынужден был рассмотреть соответствующие языковые эквиваленты и уточнить используемые в литературе и в данной диссертации термины.

Последняя часть главы посвящена делению повинной и самооговора на различные виды и их классификации. Такое разделение и группировка могут быть проведены по различным основаниям. В качестве первого признака деления показаний при явке с повин-

ной на различные группы мы избрали их правдивость или ложность. По этому основанию повинная различается как: а) правдивая и б) ложная. В зависимости от того, касаются ли повинная и самооговор только явившегося с повинной (подследственного) или одновременно содержит обвинение иных лиц, различаются:

а) повинная и самооговор, содержащие признание только своей вины;

б) повинная и самооговор, содержащие, кроме признания своей вины, еще и обвинение других лиц.

В повинной и самооговоре могут иметь место преувеличение, усугубление или уменьшение, смягчение характера преступления и вины по сравнению с подлинным деянием и действительной виной субъекта. По этому признаку нужно различать повинную и самооговор:

а) в преступлении, которое на самом деле не было совершено. Здесь могут быть два варианта:

1) действие, в котором допрашиваемый себя считает виновным, вообще не было совершено, оно вымышлено. В этих случаях могут действовать патологические причины либо инсценировка преступления в целях создания себе алиби для сокрытия другого совершенного преступления;

2) действие было совершено, однако оно не является уголовным преступлением. Такое действие, например, не предусмотрено в качестве наказуемого уголовным кодексом. Повинная и самооговор такого вида вытекают из неверного суждения о наличии ответственности из-за незнания закона и тому подобных обстоятельств. Уголовное право признает такие обстоятельства исключяющими ответственность, например, при недостижении необходимого возраста, при наличии необходимой обороны, крайней необходимости;

б) в преступлении, менее значительном, чем было совершено в действительности. Здесь также возможны два варианта:

1) допрашиваемый считает менее значительной, чем в действительности, объективную сторону преступления;

2) допрашиваемый считает менее значительной, чем в действительности, субъективную сторону преступления;

в) в преступлении более тяжком, чем было фактически совершено. Здесь существуют те же варианты, что и в предыдущем пункте.

При рассмотрении различных видов повинной и самооговора в диссертации исследуются характер ошибок и заблуждений подследственного и его отношение к тем или иным уголовноправовым последствиям.

Отдельные виды повинной и самооговора имеют различное распространение в следственной и судебной практике. Некоторые из них представляют собой исключительные случаи, и их опасность с точки зрения возможных ошибок в уголовном процессе весьма невелика, другие же, напротив, имеют широкое распространение и потому заслуживают особого внимания и осторожности.

Поэтому, с точки зрения тактики допроса, имеющиеся в литературе общие рекомендации о необходимости тщательной проверки показаний обвиняемого нам кажутся недостаточными, не отвечающими повторяемости тех или иных явлений в жизни и психическим особенностям, которые свойственны повинной и самооговору.

Отсутствие различия в подходе к допрашиваемым, которые явились с повинной, и тем, кто признал свою вину под тяжестью доказательств или под воздействием тактической ситуации, нам представляется неправильным. Добровольность и самопроизвольность повинной представляют собой для уголовного процесса обстоятельство большого значения, прежде всего с психологической точки зрения. Весьма полезным могло бы быть изучение вопроса о том, чем отличается процесс ресоциализации (исправление и перевоспитание) осужденных, которые добровольно явились с повинной, по сравнению с другими категориями преступников. Отсюда вытекают интересные выводы и рекомендации в части применения условного осуждения, условного освобождения, дифференциации осужденных и т. д.

Изучение проблемы повинной и самооговора с учетом возможностей возникновения ошибок в уголовном судопроизводстве позволяет утверждать, что самооговор особенно опасен потому, что к моменту его получения уже было возбуждено уголовное преследование, которое нередко порождает тенденцию обращать внимание и учитывать скорее обстоятельства, подтверждающие вину, чем ее опровергающие.

Самооговор в большей мере чреват опасностью юридических ошибок, нежели другой вид ложных показаний, в которых лицо, совершившее преступление, отрицает свою вину. Некритическая оценка каждого признания всегда приводит к серьезным осложнениям именно в силу того, что признание кажется весьма заманчивым для облегчения и ускорения следствия. Провал следствия, недостижение истины служат, с одной стороны, на пользу преступника и, с другой — наносит самый тяжкий ущерб делу правосудия.

Глава II. ПОНЯТИЕ ПРИЧИН ПОВИННОЙ И САМООГОВОРА

Вторая глава посвящена генезису признания вины, причинам, вызывающим повинную и самооговор, и их классификации.

Как каждое волевое действие, признание человеком своей вины вытекает из определенных мотивов, направляется к достижению определенной цели и выражает определенные отношения человека к внешней ситуации. В теоретическом плане проблема мотивации — одна из самых сложных и слабо исследованных в психологической науке. При изучении мотивов признания автору пришлось исходить из этой не очень благоприятной ситуации.

Мотивация как динамический элемент поведения человека может быть понята лишь в неразрывной связи с жизненными условиями и

требованиями, в системе которых находится человек. Мы отвергаем идею о внутреннем только источнике мотивов, которая неизбежно ведет к субъективизму и в конечном счете — к мистическим теориям. Мотивы, равно как и любое другое психическое явление, есть результат отражения реальной действительности в человеческом сознании. В силу этого человеческие мотивы также различны между собой, как условия, в которых живут люди.

Исходным пунктом мотивации человеческого поведения являются потребности и необходимость их удовлетворения, что теснейшим образом связано с переживаниями, эмоциональной сферой психики. Приспособление личности к конкретной жизненной ситуации непосредственно зависит не только от внутренних импульсов, действующих в настоящий момент, но и от множества прошлых влияний, наложивших отпечаток на сознание субъекта и отразившихся на всех сторонах его личности. Это положение нам представляется чрезвычайно важным, исходным для понимания генезиса признания в уголовном процессе.

Обвинение в преступлении обычно переживается как критическая ситуация в жизни человека, если не считать морально и социально извращенных индивидуумов, в психике и поведении которых преобладают патологические черты.

В диссертации подвергаются критике концепции буржуазных криминалистов и психологов о причинах признания, и в частности различные модификации взгляда на признание как проявление врожденных инстинктов или подсознательной тяги к наказанию и самоизобличению. В настоящее время эти теории исповедуются представителями школы неофрейдизма (Райк и др.).

Пути, которыми человек приходит к признанию, с известной условностью можно разделить следующим образом:

а) подсудственный приходит к признанию под тяжестью доказательств, использованных в допросе с учетом индивидуальных особенностей допрашиваемого, так что признание вины представляется ему единственным выходом из данной ситуации;

б) подсудственный приходит к признанию в результате борьбы мотивов и под воздействием общей ситуации в связи с тем, что признание служит для него выходом из острого (мотивационного) конфликта;

в) подсудственный, несмотря на значение, которое имеет для него предъявленное обвинение, не испытывает интенсивного мотивационного конфликта, но рационально реагируя на возникшую ситуацию, признается главным образом из простого расчета;

г) подсудственный оказывается в такой жизненной ситуации или процессуальной обстановке, при которой он вынужден признать свою вину под различными видами нажима физического или психического;

д) подсудственный признается без особых внутренних затруднений и противодействия в результате внушающего воздействия

извне и собственной предрасположенности и податливости внушению;

е) подсудимый признает свою вину без запирательства в результате внутреннего и полного осознания своей вины, стремления ее искупить и сожаления о содеянном. Признание здесь опирается на нравственные побуждения, моральную оценку своих действий, на совесть как нравственный регулятор человеческого поведения;

ж) подсудимый признается под влиянием страха, под воздействием угроз, из боязни предполагаемого реального или мнимого причинения ему личного вреда.

Для психики обвиняемого характерно состояние высокого внутреннего напряжения, которое порождает тенденцию к разрядке. Возникает потребность получить дополнительную информацию, довериться кому-либо, посоветоваться, «исповедаться», которая основана на свойственной человеку потребности в социальных связях и контактах, способных восстановить психическое равновесие.

Чаще всего разрядка напряженности достигается в результате доверительного сообщения преступника кому-либо из его близких о преступном событии, которое постоянно занимает его мысль и чувства. В условиях же предварительного заключения указанная потребность нередко удовлетворяется за счет обсуждения своего дела с кем-либо из соседей по камере.

В собственных исследованиях при изучении воздействия на человека условий изоляции автором было установлено явление психического голода в социальных контактах, ярко выраженная и остро переживаемая потребность слышать человеческую речь какого бы то ни было содержания. В механизме признания действуют множество различных побуждений и их разнообразные сочетания, в том числе чувства дружбы и товарищества, симпатии и любви, совести и чести, злобы и мести, стыда и страха, религиозная и национальная солидарность или неприязнь и т. д.

Если учесть, что сознание большинства обвиняемых направлено на уклонение от ответственности и ограждение себя от грозящих неприятностей, то легко понять, что их нервная система находится в состоянии постоянной повышенной активности, в готовности реагировать в нужном направлении. На этой основе формируются определенная направленность личности, известная динамическая тенденция, направляющая и регулирующая поведение подсудимого.

В динамике мотивационных механизмов отдельные побуждения накапливаются, суммируются либо действуют противоположно и приводят к конфликтам. Вес и значение положительных и социально полезных тенденций тем выше, чем более глубоки и значительны положительные черты характера личности, чем выразительнее его высшие чувства, и в первую очередь совесть — внутренний «голос», который одобряет, осуждает и ведет человека.

Этому, естественно, противостоят и противодействуют низмен-

ные черты характера, отрицательные свойства личности. Однако даже при победе последний конфликт все-таки не снимается. Притягательность правды и ее сила заключаются в ней самой, в то время как ложь требует усилий, непрерывного напряжения, подавления действительных образов мнимыми фактами, что требует постоянного самоконтроля и вносит дезорганизацию в психическую жизнь человека.

Борьба мотивов оказывается тем сильнее, а затрачиваемые при этом усилия тем больше, чем внутренне противоречивей является сама личность и чем больше разногласий существует между внутренними факторами и внешними условиями. Мотивационный конфликт по своей силе и глубине зависит от важности и значимости участвующих в нем побуждений. В некоторых случаях он достигает такой степени, которую мы обозначаем понятием «мотивационная диссоциация». На практике это проявляется в виде агрессивных, реактивных состояний, аффективных реакций, истерических вспышек, неврастенических и депрессивных нарушений, попыток самоубийства и т. п.

В непосредственной связи с рассматриваемой проблемой находится вопрос об обязанности обвиняемого давать показания. Недостаточная четкость процессуальных формулировок, несмотря на общую установку, запрещающую вынуждать обвиняемого к даче показаний, иногда ведет к получению признаний на основе мнимой обязанности обвиняемого давать показания.

В чехословацком УПК не содержится конкретного указания о праве обвиняемого отказаться от дачи показаний. В соответствии с § 33, ч. 1 УПК дача показаний является его правом, а не обязанностью. Однако недостаточная конкретность других положений Кодекса создает опасность заблуждения и может быть понята так, что это одновременно является и его обязанностью.

В этой связи с криминалистической, процессуальной и судебно-психологической точек зрения представляется необходимым, чтобы обвиняемый был надлежащим образом проинформирован о своих правах и обязанностях и чтобы эта информация сопровождалась разъяснениями, которые бы исключали возможность давления на обвиняемого и домогательства показаний в любой форме.

Разработка надлежащей процедуры разъяснения допрашиваемому его прав и обязанностей с учетом уровня его культурного развития, как нам представляется, явилась бы важным средством для предотвращения ложных признаний и их устранения в ходе уголовного процесса.

Во второй части главы предпринята попытка классифицировать рассмотренные выше причины повинной и самооговора, имея в виду крайнюю слабость и несовершенство тех классификаций, которые известны в ранее изданной литературе.

Отмеченный выше преимущественный подход к повинной и самооговору как явлениям патологическим отразился на классификации этих причин. При этом сказались также влияния психоаналити-

ческих концепций, в связи с чем различные виды повинной и самоговора связывались с охранными импульсами, инстинктом разрушения и т. п.

В отличие от этого в диссертации основное внимание обращено на группу причин повинной и самоговора у психически нормальных и полноценных людей, которую мы обозначили как **целевые действия**.

У психически полноценных людей повинная и самоговор, как и любой другой волевой и целенаправленный акт, являются результатом взаимодействия личности и среды. Поведение индивидуума, с одной стороны, зависит от особенностей его личности и, с другой — от внешних воздействий. С учетом первой группы факторов это означает, что один и тот же человек по-разному реагирует на различные воздействия и стимулы. С учетом второй группы это означает, что разные лица по-разному реагируют на одинаковые воздействия, стимулы.

Поведение лица, явившегося с повинной или совершившего самоговор, можно понять только в социальном контексте, с учетом общественных связей и взаимных влияний и с учетом того, какую ценность имеют для личности все эти взаимоотношения. Причины повинной и самоговора нужно рассматривать как отражение объективных, движущих сил в зависимости от развития и изменения взаимоотношений человека с окружающим миром и ценностью для него этих отношений.

С учетом переплетения и сложного взаимовлияния всех факторов, порождающих повинную и самоговор, они могут быть классифицированы с большой долей условности. Однако при этом определяющим, на наш взгляд, должна служить большая или меньшая принадлежность рассматриваемых причин к личности или к внешней ситуации.

В связи с изложенным эти причины рассматриваются нами по следующей системе:

- **причины повинной и самоговора, относящиеся к личности;**
- **причины самоговора, относящиеся к процессу следствия, из которых особо выделены**
- **причины самоговора, относящиеся к психофизиологическим методам допроса.**

В структуру первой группы мы включили следующие подгруппы:

- а) целевое поведение;
- б) неинформированность и ошибки;
- в) внушаемость;
- г) психические нарушения.

Ко второй группе отнесены следующие подгруппы:

- а) неблагоприятная жизненная ситуация;
- б) неправильная процессуальная обстановка.

В третьей группе причин рассматриваются следующие методы допроса:

- а) так называемые психологические методы;
- б) методы физиологической диагностики;

- в) наркоанализ и гипноз;
- г) иные методы.

Детальному исследованию указанных причин повинной и самооговора, соответствующим оценкам, выводам и рекомендациям посвящены 3, 4 и 5 главы диссертации.

Глава III. ПРИЧИНЫ ПОВИННОЙ И САМООГОВОРА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЛИЧНОСТИ

Третья глава начинается с рассмотрения причин, обозначенных нами как **целевые действия**. Эта группа заслуживает особого внимания в связи с тем, что случаи повинной и самооговора, порожденные причинами этого рода, весьма многочисленны. И хотя судебная статистика не дает точных данных о повторяемости и удельном весе рассматриваемых явлений на практике, изучение отдельных случаев и их обобщение позволяют признать целевые факторы преобладающими и наиболее распространенными. В этой группе рассматриваются следующие причины:

а) Сознание собственной вины.

Признания, возникающие на этой почве, имеют место тогда, когда действительный преступник, не известный органам следствия, сам обвиняет себя в совершенном преступлении. Решающую роль в мотивировке играют совесть человека, его моральные качества и высшие чувства.

Сознание собственной ответственности и решение субъекта сообщить о себе как о виновнике преступления особенно значительно, когда подозрение и обвинение возбуждены против другого невиновного в том лица и действительный преступник заявляет о совершении им самим этого преступления.

б) Защита других лиц на основе собственного решения заявителя.

В основе этих целевых действий лежит стремление допрашиваемого принять на себя вину за преступление, совершенное другим лицом, в котором он каким-либо образом заинтересован, с тем, чтобы оградить его от наказания. Главную роль в мотивировке здесь играют эмоциональная и чувственная сфера, система социальных связей и их ценность для допрашиваемого, политическая и религиозная ориентация, носящая подчас характер фанатизма.

Особенно сложная для следственных органов ситуация возникает, если эти элементы сочетаются с убеждением допрашиваемого в недостаточности доказательств, а также в тех случаях, когда повинная предпринимается для защиты другого лица со стороны умирающего. Предвидение и ожидание близкой смерти в сочетании с чувством любви, благодарности и иными переживаниями создает особую ситуацию, весьма затруднительную для исследова-

ния. Вместе с тем известны и правдивые повинные умирающих, основанные на вековых религиозных традициях в виде последней исповеди.

в) **Защита других лиц на основе подстрекательства и сговора с ними.**

Механизм этой группы причин отличается от предыдущей тем, что в этом случае определенная цель поставлена допрашиваемым не по собственной инициативе, а в результате воздействия со стороны и сговора с другими лицами, иногда действительными преступниками.

Сложность здесь обусловлена тем, что в повинной речи идет о преступлении, которое было действительно совершено, а это иногда порождает у отдельных следственных работников тенденцию с готовностью принять признание для его раскрытия. Кроме того, ложное признание в этих случаях может быть основательно подготовлено, что затрудняет разоблачение его на допросе.

г) **Мсть, ненависть, ревность.**

Мотивы этого рода чаще предполагаются в ложных показаниях свидетелей и оговорах. Однако в повинной и самооговоре также наблюдаются движущие силы такого рода, когда человек признается в совершении мнимого преступления, чтобы одновременно обвинить другое лицо, которому тем самым он стремится отомстить за что-либо.

Именно в силу того, что повинную здесь сопровождает обвинение других лиц, опасность ложных признаний особенно велика. И если критическое отношение и осторожность необходимо проявлять во всех случаях, то в рассматриваемой ситуации наличие обвинения других лиц должно служить тревожным предупреждающим сигналом.

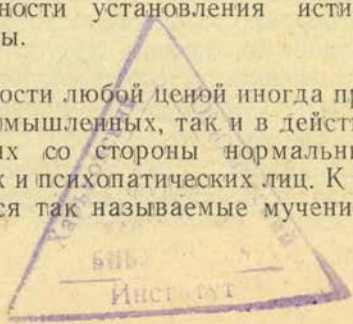
д) **Стремление помешать расследованию своей преступной деятельности.**

Хитрость и обман при расследовании являются обычными для обвиняемых рецидивистов и деклассированных элементов. Нередко целью этих уловок являются попытки воспрепятствовать расследованию и тем самым избежать наказания за действительно совершенные тяжкие преступления.

Такого рода уловки предпринимаются, например, для того, чтобы признанием малозначительного правонарушения создать себе алиби в отношении другого, более тяжкого, или направить расследование по неверному пути в расчете на последующий отказ от своего признания, когда возможности установления истины в силу истекшего времени уже утрачены.

е) **Хвастливость и тщеславие.**

Стремление к сенсации или известности любой ценой иногда приводит к ложным признаниям как в вымышленных, так и в действительности совершенных преступлениях со стороны нормальных, а также психически неуравновешенных и психопатических лиц. К такой категории людей иногда относятся так называемые мученики.

15 случае

проявляющие тенденцию принести себя «в жертву», завоевать признание и авторитет среди членов определенных групп, компаний, например несовершеннолетних. Вообще использование ложного признания в качестве средства завоевания определенной социальной роли и достижения ложных ценностей является не столь уж редким в следственной и судебной практике.

ж) Желание облегчить свое положение.

Нередко наблюдается ложное признание, вызванное стремлением за счет этого признания улучшить свое положение, облегчить сложившуюся ситуацию. Сплошь и рядом в основе такого рода действий лежит расчет «похвалиться» следователю и суду полным признанием вины и заслужить какие-либо льготы в условиях существования, в мере наказания и т. п. В этих случаях допрашиваемый изъявляет готовность признаться также и в преступлениях, которых он не совершал.

Весьма ощутимую роль здесь играет также и действие другой стороны при допросе, и в частности следователя, особенно в тех случаях, когда откровенное и полное признание им рассматривается в качестве процессуально-значимого обстоятельства, когда это признание расценивается как смягчающее вину обстоятельство, каковым в действительности оно служить не может, ибо смягчающим обстоятельством по закону является чистосердечное раскаяние, а не признание.

Подобные извращения на практике заслуживают самого решительного осуждения. Они представляются тем более опасными, что в условиях расследования при неблагоприятном стечении обстоятельств, которые воспринимаются как улики, человек, незаслуженно заподозренный и обвиненный, очень часто испытывает чувство беспомощности и психической незащищенности. Именно в таких случаях ложное признание может быть легко принято в качестве выхода из ситуации, которая представляется ему большим злом, нежели само ложное признание и опасность предстоящего осуждения.

Подчас на этот путь людей толкают травмирующие, психически вредные влияния в ближайшем окружении, например в семье. Тогда повинная и самооговор представляют собой одну из форм неправильной адаптации субъекта к затрудненным условиям жизни и невыносимым для него отношениям.

Выход из конфликтной ситуации за счет ложного самообвинения может иметь место также в расчете на применение передачи на поруки, условного освобождения, если человек осужден неправильно, но, не видя другого выхода из положения, хочет убедить окружающих в своем «исправлении и перевоспитании».

Рассмотренные выше факторы, именуемые целевыми действиями, опасны с точки зрения возникновения следственных и судебных ошибок также и тем, что в данном случае признающийся не страдает психическими дефектами, наличие которых в иных случа-

я вызывает более критический подход и тщательную проверку показаний.

В следующем разделе главы рассматривается группа причин повинной и самоговора, которая определена нами как **неинформированность и ошибки**.

Недостаточная осведомленность о наличной ситуации является обычным источником искаженных представлений, неправильных решений и ошибочных действий. Неопределенность ситуации, в которой находится допрашиваемый, извращенное представление о своем уголовноправовом и уголовно-процессуальном положении возникают повсеместно. Поэтому указание закона о необходимости уведомления и разъяснения субъектам уголовного процесса их прав и обязанностей и сообщение им иных необходимых сведений представляется весьма значительным (§ 2, ч. 13, § 3, ч. 2 УПК). Это обеспечивает возможность реализации гарантированных прав, и в частности права на защиту.

Для снижения опасности ложных показаний необходимо, чтобы подозреваемый или обвиняемый знал свои права, полномочия следователя и иных лиц, осуществляющих производство по делу, функции иных участников уголовного судопроизводства, ясно понимал задачи и значение защиты, отрицательные последствия ложных показаний.

При этом весьма нежелательно непонимание подозреваемым или обвиняемым сущности выдвинутых против него обвинений. Уголовно-процессуальный закон обязывает следователя в случае привлечения в качестве обвиняемого разъяснять ему, в чем именно обвинение состоит. Имеющиеся на этот счет формулировки закона представляются все же недостаточными и нуждаются в дополнении, в котором должно содержаться предписание о необходимости делать соответствующие разъяснения в форме, доступной для данной личности, так, чтобы они были поняты правильно именно этим лицом.

Неосведомленность, которая ведет к ложным показаниям, иногда связана с наличием законных обстоятельств, устраняющих ответственность, например при действиях в состоянии крайней необходимости, при необходимой обороне, в случае истечения срока давности или утраты общественной опасности деяния в силу изменившейся социальной обстановки или при явной малозначительности совершенного правонарушения.

В диссертации также упоминаются случаи повинной, которые связаны с нарушением юридического иммунитета, то есть свободы некоторой категории лиц от обязанности давать свидетельские показания. В УПК ЧССР это положение предусмотрено § 100, в соответствии с которым ближайшие родственники не несут обязанности давать изобличающие показания против своих близких, а это является лишь их правом (за исключением случаев, специально предусмотренных законом, — § 100, ч. 3).

Незнание этого положения закона о предоставленных допра-

шиваемому возможностях иногда приводит к даче показаний, в которых содержатся основания для обвинения допрашиваемого.

Аналогичное положение возникает и тогда, когда лицо, действия которого исследуются, допрашивается в качестве свидетеля, якобы обязанного давать показания о своем собственном поведении. При этом перед допрашиваемым возникает дилемма: либо утаить компрометирующие его обстоятельства и оказаться под угрозой уголовной ответственности за дачу ложных показаний, либо сообщить об этих обстоятельствах и оказаться под угрозой уголовной ответственности за них. Анализ уголовно-процессуального законодательства дает основание для вывода о недопустимости такого положения вещей.

В этой связи подчеркивается роль защиты и квалифицированной юридической помощи для устранения нежелательных заблуждений и ошибок и тем самым для предотвращения и устранения ложных показаний.

Применительно к лицам, осуществляющим допрос, рассматриваются также факторы, порождающие ложные признания в силу неинформированности и ошибочных представлений допрашиваемого, связанные с особенностями речевого общения на допросе (непонятные или малопонятные высказывания, недоступные пониманию допрашиваемого выражения, двусмысленные высказывания и обороты, применение слов с неопределенным значением и неспособность к четким формулировкам). Не исключена и умышленная дезинформация со стороны лица, производящего допрос.

Особый раздел настоящей главы посвящен проблеме **внушения и внушаемости** и их роли в возникновении повинной и самоговора. Внушение мы понимаем как процесс воздействия, рассчитанный на некритическое восприятие чужих мыслей, которые могут быть выражены как в словесной, так и не в словесной форме. Внушаемость, то есть податливость внушению, представляется нам в большей или меньшей степени свойственной любому человеку. Поэтому вряд ли возможно установить точные границы между «нормальной» и «повышенной» доступностью для внушения. С известной условностью можно говорить:

а) о лицах со значительной внушаемостью, которые легко поддаются влиянию, почти не обращая внимания на содержание внушаемых идей;

б) о лицах, которые не поддаются почти никакому влиянию и отрицательно реагируют на все, что оказывает видимое воздействие на их убеждения и взгляды;

в) о лицах, занимающих среднее положение, которые доступны внушению в одних вопросах и не поддаются ему в других.

С повышенной внушаемостью как причиной повинной и самоговора мы реально сталкиваемся в силу различных обстоятельств, излагаемых в диссертации. При этом рассматриваются следующие вопросы: внушаемость и несовершеннолетие; внушаемость и старость; внушаемость и интеллект; внушаемость и состояние челове-

ческого организма; внушаемость и некоторые психические нарушения.

При этом освещаются результаты собственных экспериментальных исследований данной проблемы в значительном числе опытов, которые представляются автору достаточно достоверными. Наши выводы были получены на основе изучения механизма внушения и степени внушаемости у лиц в разной обстановке, в котором учитывалась возрастная и психическая зрелость исследуемых, степень их критической способности, наличие ситуационных изменений, степень информированности о ситуации, характер межличностных и групповых отношений, состояние здоровья и т. д.

Основной вывод состоит в том, что степень внушаемости является свойством, зависящим от иных индивидуальных особенностей личности и от характера источника внушающего воздействия. Так, у несовершеннолетних внушающее влияние находится в прямой зависимости от авторитета того, кто задает вопрос или убеждает. Выявлена тенденция несовершеннолетних приравнивать ответы к тому, что хотел бы услышать допрашивающий от допрашиваемого.

В работе содержится подробный анализ различных форм внушающего суггестивного воздействия:

- а) путем нашептывания, подсказки;
- б) путем скрытого волевого нажима;
- в) путем открытого волевого нажима;
- г) путем бессознательно произведенного внушения.

Повышенная внушаемость у лиц старческого возраста связана не только с общим упадком физических и психических сил, но также зависит от авторитета лица, вступающего с ними в контакт. Внушающее воздействие при допросе обусловлено уважением к должностному положению следователя, прокурора, судьи. Повышенная степень податливости для внушения обнаружена у лиц старческого возраста при снижении интеллекта. Вообще зависимость между интеллектом и внушаемостью является самой прямой и непосредственной.

Податливость для внушения при различных состояниях ослабления организма связана со снижением невропсихических потенций человека и функций центральной нервной системы. Внушаемость возрастает при различных соматических заболеваниях, нервном или физическом истощении, голодании, увечьях, в период беременности и пр. Полученные данные свидетельствуют о необходимости учета их в тактике допроса и дифференциации приемов получения показаний от лиц, находящихся в различных состояниях ослабления организма.

Значительное место в работе уделено внушающему воздействию допрашивающего, влиянию обстановки и наводящим вопросам. Внушение как причина возникновения повинной и самоговора сейчас признается всеми авторами, однако большинство из них сводят проблему лишь к так называемым внушающим вопросам.

Не отрицая важности этого положения и опасности наводящих вопросов, чреватых искажением истины, автор все же считает неоправданным такое сужение проблемы внушения. Поэтому в диссертации внушение и внушаемость рассмотрены в более широком плане и даны конкретные рекомендации для практических работников по преодолению этих нежелательных явлений в целях предотвращения ложных показаний.

Внушаемость в наибольшей степени и чаще всего обнаруживается у психически неустойчивых лиц и нередко служит проявлением временных болезненных состояний и острой патологии в психической сфере.

Болезненным изменениям психики как причинам повинной и самооговора посвящен заключительный параграф настоящей главы. В оценке роли отдельных психических расстройств, которые влияют на возникновение повинной и самооговора, мы сосредоточились только на тех болезненных проявлениях, которые чаще всего наблюдаются в следственной, судебной и клинической практике. К их числу относятся *психопатия, олигофрения, депрессивные психозы, истерия, шизофрения, эпилепсия, алкоголизм* и другие формы *токсикомании*, а также *реактивные состояния* (психогенные реакции).

В диссертационной работе перечисленные расстройства рассмотрены не с точки зрения их симптоматики и диагностики, что в полном объеме является задачей судебной психиатрии, а с позиций процессуально-криминалистических. С учетом этого приводятся положения, необходимые юристу для оценки психических болезней лишь как факторов, порождающих повинную и самооговор, для их правильной оценки и принятия соответствующих мер в ходе следствия и судебного разбирательства.

Работы по судебной психиатрии, как уже отмечалось, весьма обстоятельно освещают многие вопросы, относящиеся к повинной и самооговору в психиатрической практике. Поэтому автор, также уделив им в диссертации значительное место, считает возможным ограничиться в настоящем докладе краткой характеристикой содержания этого раздела, остановившись здесь лишь на двух положениях.

Значительный процессуально-криминалистический интерес представляют реактивные состояния (психогенные реакции), которые нередко возникают в самом процессе расследования и в результате так называемой реактивной депрессии могут привести к ложным признаниям.

Реактивные расстройства иногда имеют весьма слабо выраженный и в психиатрическом отношении недиагностируемый характер. Сходные явления наблюдаются также и вне связи с уголовным процессом, например в случаях утраты матерью ребенка или смерти других близких родственников, когда в результате упреков со стороны членов семьи «это твоя вина, что ребенок умер», «ты его убил» и т. п. формируется соответствующее чувство ответственности и со-

знание вины, которая находит выход в повинной или ложном признании.

Следует подчеркнуть, что повинная у лиц с психическими расстройствами является значительно более сложной проблемой, чем кажется. Психическое заболевание вовсе не исключает возможность совершения преступления, и поэтому некоторые повинные, будучи правдивыми, могут встретить недоверие со стороны следственных органов, особенно если им известно о душевной болезни заявителя.

Поэтому не следует рассматривать такие заявления, как заведомый бред душевнобольного. Желательно, чтобы в допросе таких лиц участвовал психиатр. Судебно-психиатрическая экспертиза в отношении лиц, явившихся с повинной и имеющих какие-либо психические расстройства, нам кажется обязательной.

Представляется правильным, чтобы закон предусматривал возможность в случае ложной повинной со стороны психического больного назначать ему принудительное лечение. Загромождение следственных органов ложными доносами, заявлениями и прочими мистификациями автор считает действиями общественно опасными, дезорганизующими нормальную деятельность государственных органов.

Особый вред причиняют ложные заявления и доносы на первоначальном этапе расследования действительно совершенных и нераскрытых преступлений, когда каждый час промедления, вызванного необходимостью проверки ложного заявления, ставит под угрозу возможность обнаружения действительного преступника.

Глава IV. ПРИЧИНЫ САМООГОВОРА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРОЦЕССУ СЛЕДСТВИЯ

В четвертой главе исследуются две группы факторов, порождающих ложные признания: **неправильная процессуальная обстановка и неблагоприятная жизненная ситуация.**

Принципы социалистического гуманизма и законности не допускают нарушения конституционных прав и интересов личности. Для достижения целей уголовного судопроизводства нельзя пользоваться никакими иными средствами, кроме тех, что установлены законом. Допустимость приемов и методов расследования определяется не только их возможностью установления истины, но также и тем, как закон решает проблему отношений между гражданином и государством, какие права он гарантирует гражданам.

Правильность процессуальной обстановки расследования создается в результате реализации принципов предварительного следствия. В их числе рассматриваются принципы объективности, полноты, активности и быстроты расследования (которые предполагают безусловное и безоговорочное исполнение всех процессуальных предписаний и запрещений), неременное достижение объективной истины, презумпцию невиновности, свободу обвиняемого от обязанности доказывать свою невиновность, право на обжалование, оцен-

ку доказательств по внутреннему убеждению, всесторонность исследования обстоятельств дела, обеспечение обвиняемому права на защиту и иные положения, которые имеют самое непосредственное отношение к исследуемой проблеме.

Ложные признания, как показывает практика нарушения демократических свобод и насилия над личностью в капиталистических странах, порождаются отсутствием реальных гарантий такого рода.

Извращения и нарушения в этой области, допускаявшиеся ранее в период культа личности, решительно осуждены и устранены как чуждые духу социалистического правосудия. Однако во избежание случайных отдельных рецидивов автор рассматривает различные формы физического и психического насилия как самый нетерпимый путь к получению желательных показаний, порождающий самоговор.

В диссертации содержится анализ таких причин самоговора, которые можно назвать **физическим насилием**. Длительные изнуряющие допросы, непредоставление отдыха допрашиваемым лицам, действуя психофизиологически и вызывая мучительное желание прекратить испытываемые лишения, ведут к психической капитуляции, нарушают нормальную психическую деятельность допрашиваемого.

Уголовно-процессуальный закон Чехословакии не содержит нормы, ограничивающей длительность допроса, что открывает возможность для субъективных и неправильных оценок. В УПК также не существует ограничений производить допросы в ночное время, как это сделано в уголовном процессе СССР. Поэтому мы считаем крайне необходимой надлежащую регламентацию указанных положений в законе.

Длительные изнуряющие и многократно повторяющиеся допросы в сочетании с иными лишениями и одиночным заключением являются средством к достижению психического надлома у подсудимого, который легче всего ведет к самоговору. Такого рода допросы истощают организм, вносят дезорганизацию в волевую и эмоциональную сферу допрашиваемого, нарушают процессы внимания, памяти, мышления и т. д. При этом допрашиваемый зачастую допускает неточности, впадает в противоречия, что само по себе повышает психическую напряженность и снижает способность к критике и противодействию внешним влияниям, особенно у эмоционально неустойчивых и слабовольных лиц, которые легко поддаются внушению и подчинению.

В общем к насильственным мерам нужно отнести всякие действия, вызывающие телесные или психические страдания, для прекращения или уменьшения которых подсудимый побуждается к показаниям определенного содержания, признанию своей вины.

В диссертации также рассматриваются **психические средства принуждения** к признанию своей вины и в их числе обман допраши-

ваемого о том, что его соучастник признался, или о том, что обвиняемый опознан потерпевшим либо изобличается несуществующими доказательствами; приемы, направленные на запугивание допрашиваемого; ложные обещания об освобождении из-под стражи в случае признания; угрозы причинением вреда самому подсудственному, репрессиями в отношении членов его семьи и близких, а также различные провокации и ложные заявления со стороны следственных работников.

Недопустимость приведенных и рассмотренных в работе форм психического нажима представляется очевидной. Однако, кроме них, существуют и другие не столь явные, не столь грубые формы, которые также опасны для получения правдивых показаний. Некоторые из них бывают малозаметны и благодаря этому ускользают от внимания последующих процессуальных инстанций. К их числу относятся, например, улавливающие вопросы и тому подобные хитрости.

Правильная оценка нажима и насилия в любой конкретной области общественной практики невозможна без учета определенных нравственных критериев. Связь этических принципов с проблематикой допроса представляется неоспоримой и криминалистическая тактика, безусловно, должна опираться на соответствующие нравственные предписания и нормы.

Нравственные нормы не имели бы смысла, если бы одновременно не предполагалось существование определенных ценностей, на сохранение которых эти нормы направлены. Объективно существующие ценности и соответствующие им этические нормы отражаются в психике людей в виде системы моральных принципов и субъективной шкалы ценностей. С психологической точки зрения, совокупность нравственных установок входит неотъемлемым элементом в структуру личности.

Применительно к задачам криминалистики, и в частности к тактике, особая роль должна отводиться такому моральному качеству личности допрашивающего, как совесть. Изучение следственной практики показывает, сколь важным и определяющим является это качество для надлежащего воспитания следственных работников.

Ничем иным нельзя объяснить применение в прошлом большим числом следователей незаконных приемов допроса, вопреки прямому их запрещению, как отступлением от моральных принципов и нарушением моральных ценностей, отвечающих целям нашего уголовного процесса. Только в ситуации, когда человек не принимает общепризнанных этических норм как принципиального приказа к поведению, он может поступать в разрез с этими нормами и правовыми предписаниями и исполнять указания, даже если они исходят от лица, располагающего большой властью.

Далее в диссертации рассматриваются ложные признания, вызываемые **неблагоприятной жизненной ситуацией**, и содержится анализ причин самооговора, которые носят внешний для допрашивае-

мого характер. К числу сложных неблагоприятных жизненных ситуаций относятся, в частности, ситуация привлечения человека к ответственности и заключение его под стражу.

В соответствии с известными положениями о факторах внешней и внутренней детерминации реакция человека на такие ситуации в значительной мере зависит от индивидуальных особенностей личности, от способности индивидуума преодолевать такие трудности. Люди обладают этими способностями избирательно по отношению к одним ситуациям и могут быть лишены этих способностей по отношению к другим. В определенных областях жизни они могут обнаруживать повышенную чувствительность и психическую ранимость, особенно в той области, где ранее переживалось состояние фрустрации или стресса.

Способность преодолевать трудности является также индивидуальной и специфичной. Каждому человеку свойственна известная качественная характеристика, которая зависит от его прежнего опыта и развития, от физических особенностей организма, возраста, волевых свойств, нравственных установок и пр.

Анализ факторов, влияющих на способность к преодолению сложных жизненных ситуаций, свидетельствует о том, что речь должна идти о комплексе особенностей как врожденного, так и в большей мере благоприобретенного характера — социального опыта индивидуума.

В нашем исследовании наибольший интерес привлекало влияние ареста и пребывания под стражей, особенно в обстановке одиночного заключения, которое иногда рассматривалось в качестве психической и физической подготовки обвиняемого к признанию.

Длительное содержание под стражей, связанное со значительными ограничениями, относится к числу наиболее сложных и затрудненных жизненных ситуаций, которые приводят к повышенной внушаемости. Глубокие экспериментальные исследования показывают, что человека можно легко склонить к определенным взглядам, если его постоянно информировать в одном направлении и одновременно ограничивать возможности получения информации, соответствующей другим точкам зрения.

Согласно § 67 УПК ЧССР (аналогичное положение содержит уголовно-процессуальное законодательство других социалистических стран) заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по основаниям и при наличии условий, лишь строго установленных в законе. В иных случаях расследование ведется без применения этой крайней меры пресечения и обвиняемый находится на свободе.

Очевидно, что возможность воздействия на допрашиваемого, который арестован, больше, чем в случаях, если допрашиваемый не содержится под стражей. Система допросов, связанная с интенсивным убеждением обвиняемого признать свою вину при условии полного нарушения его связей и одновременной изоляции допра-

шиваемого от иных точек зрения, создает условия, в которых влияние внушаемых положений и задаваемых вопросов возрастает, снижается критичность — самый сильный враг внушения.

Влияние условий изоляции нужно понимать достаточно широко, учитывая воздействие тюремного персонала, других заключенных и т. д. Роль изоляции от соответствующей социальной среды необходимо оценивать с учетом других факторов, повышающих податливость внушению, например социальной отсталостью индивидуума, низким интеллектом, возрастом, невротическими нарушениями.

В собственных исследованиях автор провел изучение явлений психического воздействия в местах лишения свободы. Были установлены факты повышенной эмоциональной восприимчивости, расстройства ориентации и координации, снижения правильной оценки реальности, которые особенно остро проявлялись при одиночной изоляции.

Автор придерживается той точки зрения, что понятие изоляции имеет двойное значение — внутреннее и внешнее. Внешнее состоит в прекращении связей, которые имелись ранее у человека и в системе которых он постоянно находился. Внутреннее заключено в прямом влиянии ареста на психические функции. Личные наблюдения автора показывают, что многие люди, оказавшись в условиях лишения свободы, не замечают и не сознают в полной мере интенсивности изоляции.

Дело при этом состоит не столько в количестве социальных контактов субъекта, сколько в их значении для него. Острота переживаний, вызванных нарушением привычных связей, судя по имеющимся данным, в значительной мере зависит от пола. Круг связей у женщин обычно более узок и концентрируется в основном на семейных отношениях, что делает женщин в этой области легче ранимыми, а конфликты, связанные с этим, более глубокими, чем у мужчин. У мужчин спектр связей шире.

Однако при всех условиях жизненная обстановка в заключении представляет собой одну из самых тяжелых ситуаций, которая способна решительно перегруппировать иерархию значимости различных связей индивида и стать причиной тяжелых переживаний, создать у арестованного чувство бессилия от одиночества, опустошающей монотонности внешних стимулов и их бедности. Такие изменения являются идеальной почвой для возникновения самоговоора.

Ситуация достигает наибольшей напряженности особенно в тех случаях, когда арестованному даются безответственные обещания освободить его из-под стражи. Неуверенность, одиночество, вынужденное прекращение связей, серость обстановки, бедность впечатлений, медленно тянущееся время, постоянные размышления о собственном положении, неясность жизненных перспектив являются благодатной почвой для удовлетворения потребности в социальном контакте «любой ценой».

Образно говоря, у заключенного наблюдается состояние голода в социальных связях. Человек, усталый, расстроенный, подавленный, выбитый из привычной жизненной колеи, в обстановке заключения становится податливой и послушной, чем тот, кто допрашивается на свободе.

Физиологический механизм отмеченных явлений легко объясним в свете высказываний И. П. Павлова о ломке динамических стереотипов при изменении обычного образа жизни и нарушении привычной обстановки, душевных кризисах и переломах.

Этот взгляд подтвердился при изучении лиц, находящихся под стражей, которым свойственны проявления и выражения крайних почти полярных психических состояний: чувство надежды, веры, с одной стороны, и чувство неуверенности, страха — с другой. Отсюда легко сделать вывод: сколь сильным и сколь определенно направленным может быть влияние следователя, прокурора, защитника, тюремного персонала и других заключенных. В некоторых случаях наблюдаются общая неуверенность и психическая неустойчивость. Напротив, минимальное воздействие обстановки заключения наблюдается у рецидивистов, для которых она является повторяющейся и знакомой ситуацией.

По-видимому описанные факторы лишения свободы в период следствия устранить невозможно. Проблема состоит в том, чтобы следователь считался с этим комплексом явлений и чтобы заключение под стражу применялось только в действительно необходимых и законом обусловленных случаях. На практике же иногда наблюдаются субъективные оценки со стороны лиц, принимающих решение об аресте без определения конкретных данных, которые подтверждают наличие оснований для ареста.

Здесь возникает вопрос: достаточно ли для признания того, что обвиняемый, находясь на свободе, может помешать расследованию, одного только мнения следователя и прокурора или опасность такого поведения должна быть доказана реальными поступками подследственного и соответствующими материалами дела.

Автор считает, что во избежание субъективных и произвольных оценок и возможных ошибок должны быть получены конкретные доказательства, свидетельствующие о такой опасности и подтверждающие правильность принимаемого в этом случае решения. На практике же имеют место отдельные случаи, когда содержание под стражей в качестве меры пресечения избирается в связи с одним лишь стремлением воздействовать на подследственного в целях получения желательных показаний.

Содержание под стражей, в том числе и краткосрочное лишение свободы в виде задержания, закон рассматривает лишь как неизбежную меру против уклонения обвиняемого от следствия, воспрепятствования расследованию и продолжения преступной деятельности, но отнюдь не как средство психического влияния на допрашиваемых.

Существующее положение о порядке содержания под стражей

подследственных заключенных представляется нам не вполне отвечающим идеям, содержащимся в уголовно-процессуальном законодательстве. Обращение с подследственным заключенным, если оно ничем по-существу не отличается от режима, установленного для осужденных преступников, противоречит, на наш взгляд, презумпции невиновности и целям ареста в качестве меры пресечения, который вытекает из § 67 УПК ЧССР.

В интересах последовательного исполнения процессуальных принципов представляется необходимым порядок предварительного заключения привести в соответствие с правами граждан, которые до признания их виновности и осуждения имели бы возможность пользоваться элементарными удобствами и бытовыми услугами, не имеющимися в их распоряжении в настоящее время в ЧССР.

Важной также является возможность подследственного заключенного пользоваться свиданиями с членами семьи (с принятием мер против разглашения данных предварительного следствия), иметь в заключении необходимую одежду, предметы туалета, покупать и получать продукты, книги, газеты, что, как представляется диссертанту, вовсе не противоречит целям, для достижения которых закон допускает заключение под стражу в период расследования.

Во всяком случае порядок пребывания в местах лишения свободы подследственных и осужденных должен быть принципиально различен. Реализация таких предложений значительно бы снизила опасность ложных признаний под воздействием неблагоприятных жизненных условий.

Глава V. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ДОПРОСА И ИХ ОТНОШЕНИЕ К САМООГОВОРУ

Пятая глава посвящена исследованию тех средств, которые приобрели широкую популярность и распространение в следственной практике капиталистических стран.

Первый параграф этой главы содержит критический анализ так называемых методов **диагностики причастности**, впервые предложенных немецкими криминалистами. К методам такого рода относят **ассоциативный эксперимент**, сущность которого состоит в получении потока ассоциаций или отдельных ассоциативных реакций испытуемого на вопросы или слова, которые произносит экспериментатор-следователь.

Содержание ассоциативных реакций и их быстрота или заторможенность, которые несут избирательный характер и являются различными при ответах на нейтральные и критические вопросы (связанные с обстоятельствами расследуемого события), служат основанием для суждения о том, причастен ли испытуемый к расследуемому событию. При этом выявляется наличие или отсутствие виновной осведомленности, то есть знания таких обстоятельств дела, которые могут быть известны человеку лишь при условии участия его в данном событии.

Механическое использование этих методов без знания и учета данных о личности, без оценки влияния среды, в которой проводится эксперимент, делает результаты его применения бездоказательными. Каждое испытание по ассоциативному методу ограничено вопросником или списком слов-стимуляторов и целиком зависит от доброкачественности этой подготовительной работы и добросовестности оператора.

Процедура испытания неповторима, и в силу этого результаты его непроверяемы. Приходится доверяться квалификации и добросовестности допрашивающего. Не отрицая возможности применения метода ассоциативных реакций в психиатрической клинике и в лабораторных психологических исследованиях, мы считаем использование этих методов в следственной практике в виде приемов допроса бесперспективным, а придание результатам испытания доказательственного значения принципиально недопустимым.

За последние десятилетия колоссальное развитие за рубежом получили методы психической диагностики, основанные на регистрации изменений физиологических параметров человеческого организма,— применение так называемых **лайдетекторов** или **полиграфов**. Ведение допросов, основанных на полиграфической регистрации и оценке различных физиологических проявлений, мы считаем противоречащим исходным правовым принципам и демократическим положениям уголовного процесса.

С точки зрения естественнонаучной, регистрация физиологических изменений в человеческом организме не вызывает никаких возражений и является вполне приемлемой и необходимой для медицинской диагностики и в иных сферах деятельности. Она может быть полезна как вспомогательное средство при всестороннем медико-психологическом изучении личности, особенно при изучении эмоциональной сферы, но отнюдь не как метод объективного обнаружения лжи или правды в сообщениях допрашиваемых.

Автор вынужден был детально остановиться на проблеме лайдетекции в связи с тем, что она имеет непосредственное отношение к диссертационной теме. Именно несовершенство рассматриваемых методов и их слабость с точки зрения гарантии установления истины в сочетании со страхом, который возникает у допрашиваемых, верой в совершенство и непогрешимость научных методов и неограниченные возможности современной техники создают предпосылки для получения признаний как правдивых, так и ложных.

И хотя полиграфическая регистрация физиологических состояний не лишена известного информационного значения (она не хуже, а лучше простых выводов, основанных на визуальном наблюдении за внешними проявлениями допрашиваемого), однако сам по себе прибор обнаруживает не ложь или правду, а показывает лишь колебания в эмоциональном состоянии человека в ходе испытания.

Научную ценность имеет не интерпретация результатов, а непосредственные результаты регистрации психофизиологических состояний человека. Что же касается интерпретации, истолкования ре-

зультатов испытаний, то она пока что находится на таком уровне, который представляет серьезную опасность как возможный источник ошибок.

Существующие приемы оценки результатов испытания на полиграфе исходят из ограниченных представлений о том, что каждому эмоциональному проявлению однозначно соответствует определенная формула физиологических изменений. При этом игнорируется зависимость эмоциональных реакций от индивидуальных особенностей данной личности.

Вегетативные проявления эмоций не специфичны для одного и того же лица в разных условиях и для одних и тех же эмоций у разных лиц. Эмоциональные возбуждения и субъективные переживания эмоций не перекрываются по времени вегетативными изменениями, которые могут носить остаточный характер, проявиться после длительного скрытого периода и интенсивность которых может быть не пропорциональна субъективным переживаниям.

Физиологические проявления эмоциональных реакций являются производными многих факторов, а не одного только актуального стимула, критического или нейтрального вопроса. Предположение о том, что данный стимул вызовет определенную эмоцию у каждого лица и в любых условиях, не отвечает действительности.

Само испытание с помощью лайдетектора является источником аффективного напряжения и боязни неблагоприятных результатов испытания. Причем колебание в уровне этого напряжения может носить сложный циклический характер, что создает многочисленные зависимости и разнообразные отклонения во взаимодействии типа «стимул — реакция».

Поэтому диссертант приходит к заключению, что полиграфические методы детекции лжи в настоящем их виде не содержат необходимых гарантий получения надежного результата и не могут рассматриваться как средство доказывания даже в том случае, если они не будут нарушать существующих процессуальных принципов и предписаний.

Однако и с правой точки зрения использование подобных методов представляется совершенно неприемлемым. Обвиняемый фактически лишился бы многих правовых гарантий, его законные интересы оказались бы ущемленными. Из субъекта уголовного процесса он неизбежно превратился бы в бесправный объект весьма сомнительных исследований. Таким образом, на основе критической и экспериментальной проверки применяемых за рубежом методов лайдетекции автор приходит к заключению, совпадающему с выводами советских ученых о недопустимости использования средств такого рода в процессуальной деятельности.

В самостоятельном параграфе последней главы содержится критический анализ применяемых и популяризируемых в зарубежных капиталистических странах методов допроса, связанных с применением **наркоанализа и гипноза.**

Сущностью первой группы методов является создание у допрашиваемого (сумеречного, затуманенного) состояния психики с помощью медикаментозных средств, действующих на работу коры головного мозга и иные области нервной системы. Своим возникновением эти методы обязаны врачебно-клинической практике, откуда они были перенесены в деятельность полицейских органов прежде всего в Соединенных Штатах Америки.

Анализ около сотни литературных источников, в которых рассматривается проблема наркоанализа как средства допроса, показывает, что если учеными социалистических стран средства такого рода единодушно и безоговорочно осуждаются, то буржуазные авторы высказывают противоречивые суждения.

Наиболее прогрессивные из них решительно выступают против этих методов и требуют их запрещения. В противоположном лагере находятся те авторы, которые считают такие средства допустимыми, всячески преувеличивают их возможности и, несмотря на все имеющиеся возражения, пропагандируют их, причем, как свидетельствует полицейская практика, не безуспешно.

Более умеренные популяризаторы этого дела, признавая насильственный характер наркоанализа и опасность нежелательных для правосудия осложнений, предлагают его использовать при наличии согласия допрашиваемого или в случае расследования особо важных дел по решению компетентной комиссии специалистов и юристов.

Однако эти оговорки не спасают положения, а изучение практики доказывает, что применение наркоанализа является не только вопиющим нарушением демократических принципов уголовного судопроизводства, но и одним из действенных средств возникновения самоговора.

Под влиянием токсических веществ и медикаментов у многих лиц возникает такая высокая степень податливости внешним воздействиям, что они готовы признаться в совершении действий, которые им приписывают и которые они не совершали. Такая опасность возрастает, когда допрашиваемому лицу, находящемуся в состоянии нарушенного сознания, ставится внушающий или улавливающий вопрос, особенно если это лицо действительно что-то знает о расследуемом событии как очевидец или осведомленно о преступлении из сообщений печати, радио, слухов и т. д. С наибольшей легкостью возникает самоговор в наркотическом состоянии у истериков, психопатов и лиц, обладающих слабоконтролируемой фантазией.

Получение показаний с помощью наркотиков представляет собой умышленное фармакологическое изменение человеческой психики со всеми паталогическими проявлениями (дезориентация, повышенная внушаемость, ослабление волевого контроля, конфабуляция и пр.).

Это и должно служить основным препятствием для применения наркоанализа при допросе. Абсурдна попытка получить показания в

условиях, когда у допрашиваемого специально нарушено сознание, и сообщения, полученные в состоянии полубреда, используются как доказательства. С таким же успехом можно было бы признавать ценность заявлений, сделанных в состоянии опьянения, и иных токсических отравлений.

Приведенные аргументы сами по себе достаточны для исключения наркоанализа как недопустимого метода расследования. Что же касается правовой стороны дела, то неприемлемость наркоанализа с процессуальных позиций самоочевидна.

Изучение проблемы **гипноза** также показывает, что попытки привести обвиняемого к признанию определенных фактов, о которых он не хочет давать показания, являются, как правило, безуспешными, даже при том положении, что непрямым условием является согласие подвергнуться гипнотическому внушению, без чего невозможен «рапорт» между гипнотизером и гипнотизируемым.

В настоящее время не известны действительная природа и сущность гипноза. На этот счет имеется более десятка различных теорий, которые рассматриваются в диссертации. Применение гипноза при допросе является более чем сомнительным, поскольку и здесь речь идет о психосоматическом состоянии, в которое ввергается испытуемый в результате внешнего воздействия на психику. При этом его психические состояния и переживания равно, как и моторные реакции, не адекватны наличной реальной обстановке, а соответствуют мнимой ситуации, порожденной в сознании человека гипнотическим внушением.

Гипноз не может быть приемлемым методом при допросе, ибо его невозможно использовать вопреки воле индивидуума, а сам допрос может быть только тогда эффективным, когда допрашиваемый находится в ясном сознании. Имеющиеся в литературе данные об использовании гипноза в процессе расследования явно приукрашены и извращены. Правовые аргументы против применения гипноза в уголовном процессе аналогичны тем, что были изложены выше, применительно к полиграфу и наркоанализу.

В заключительной части диссертации автор останавливается на вопросе об использовании в полицейской и следственной практике методов **парапсихологии и других оккультных наук**. В последнее время в буржуазной юриспруденции вновь возник повышенный интерес к парапсихологическим феноменам и оккультизму. Появились публикации рекламного характера о возможности и необходимости использования этих феноменов в следственной практике.

Активизация приверженцев парапсихологии в Чехословакии связана с оживлением этой псевдонауки на Западе. В известной мере они пытаются опираться на авторитет советских ученых, среди которых парапсихология якобы также получила признание. Автор с удовлетворением встретил ряд разоблачительных публикаций в советской печати относительно фальсификаций, которые имели место со стороны представителей этого лженаучного направления.

Современная парапсихология считает наиболее перспективными

для раскрытия преступлений такие явления, как внесмысловое восприятие и познание обстоятельств, связанных с расследуемым событием, и в частности угадывание преступника, места совершения преступления, места нахождения трупа и т. п.

Однако современная парапсихология не имеет в своем активе, как это показано в диссертации, ни одного безупречно доказанного факта, подтверждающего реальность этих явлений, который нельзя было бы объяснить причинами иного рода, никакого отношения не имеющими к парапсихологическим феноменам.

Неповторимость, невозпроизводимость, неконтролируемость этих явлений по самой своей природе, что вынуждены признать и сами парапсихологи, не дает оснований для рассмотрения парапсихологии в качестве серьезной научной теории. С другой стороны, постоянные мистификации, предпринимаемые в этой области, лишают пока что надежды на ее успех в будущем. Было бы крайне легкомысленным допустить использование подобных средств на таком ответственном участке общественной деятельности, каким является уголовное судопроизводство.

* *
*

Заканчивая изложение основных положений диссертации, автор хочет надеяться, что предпринятое им исследование окажется в какой-то степени полезным делу социалистического правосудия и совершенствованию следственной и судебной практики.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертационной работы опубликованы автором в ряде изданных в Чехословакии печатных трудов общим числом около 40. Главными из них являются:

Основы судебной психологии. Прага, изд. Института права, 1964 (в соавторстве).

Допрос и психология. Прага, изд. ОРБИС, 1966 (в соавторстве).

Психология и следственная практика. Прага, изд. ОРБИС, 1968 (в соавторстве).

Психология. Пособие. Прага, изд. МВД, 1968.

Психология. Учебник для средних школ МВД. Прага, изд. МВД, 1960.

Психология. Пособие для средних школ МВД. Прага, изд. МВД, 1965 (в соавторстве).

Психические заболевания, связанные с предварительным заключением. Пособие для средних школ МВД. Прага, изд. МВД, 1961.

Применение психологии в практике органов безопасности и исправительных учреждений. Пособие для средних школ МВД. Прага, изд. МВД, 1963.

Значение психологии для сотрудников исправительных учреждений. Пособие. Прага, изд. МВД, 1963.

Психологическая и педагогическая характеристика и возможности ее использования в воспитательной работе исправительных учреждений. Учебное пособие. Прага, изд. МВД, 1960.

Характеристика нарушений социального поведения и их значение для преступности. Учебное пособие. Прага, изд. МВД, 1963.

Значение психологии и педагогики при обучении и воспитании в специальных средних школах МВД. Прага, изд. МВД, 1964.

Наводящие вопросы при допросе. «Криминалистический сборник», 1963, № 2.

Некоторые психологические и правовые проблемы идентификации лиц и предметов на основе свидетельских показаний. «Криминалистический сборник», 1964, № 3, 4, 5 (в соавторстве).

Значение времени реакции при расследовании транспортных происшествий. «Криминалистический сборник», 1965, № 4.

Незамечаемый помощник. «Безопасность», 1956, № 39.

Мужчина и женщина. «Пограничник», 1962, № 2.

Что такое психология. «Безопасность», 1963, № 7.

Основные вопросы психологии свидетельских показаний (серия статей). «Безопасность», 1964, № 9—16.

Психологические проблемы допроса несовершеннолетних. «Безопасность», 1964, № 20, 21.

Основные психологические проблемы допроса престарелых, больных, раненых и лиц, страдающих физическими недостатками. «Безопасность», 1964, № 23, 24.

Психологические проблемы целевой направленности и ее влияние на качество свидетельских показаний. «Безопасность», 1965, № 7.

Значение речи, как средства общения между людьми, применительно к потребностям практики допроса. «Безопасность», 1965, № 21.

О мотивации преступлений. «Криминалистический сборник», 1965.

Перевод с чешского автора